

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Наследова Вадима Георгиевича

«Влияние представителей российской культуры на коренное население северо-восточной части Тихоокеанского региона (конец XVIII-XIX вв.), представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки)

Актуальность диссертационного исследования Наследова Вадима Георгиевича достаточно полно обоснована во Введении диссертационной работы. Специфика же выбранной темы актуализировала и проблему вариативности сохранности локальных культур, в своих истоках имевших много общего и развивавшихся в определенный период в схожих социально-экономических условиях, но в результате сумевших как полностью потерять свои культурные черты, так и не только сохранить традиционный уклад, но, дополнив его новациями, ставшими традицией, обогатить этническую культуру. В результате некоторые этносы, как абсолютно верно делает вывод автор, не только сохранили свою прежнюю идентичность (алеуты, тлинкиты), но и продолжили свое этническое развитие и трансформировались в этнические новообразования («аляскинцы»).

Данное исследование приобретает еще большую научную значимость, т.к. его автор убедительно показывает связь между типом этнических процессов и трансформацией традиционной культуры. Степень сохранности традиционной культуры алеутами после ликвидации РАК обусловилась не только географическими условиями, но и их достаточной численностью и высокой степенью консолидации. Политическое и социально-экономическое противостояние тлинкитов американизации привело к актуализации отдельных элементов ранее чуждых культурных новаций - усилению в их среде значения православия в конце XIX века (с. 136). Русские переселенцы из Калифорнии, оказавшись на Аляске, по сути, стали субэтносом русского этноса, что проявилось как в формировании к середине XX в. особого «нинильчикский» диалекта русского языка, так и в появлении особой формы идентичности, связанной не столько с этническим происхождением, сколько с новым местом проживания и включением иноэтнических элементов – «аляскинцы» (с. 152). И наконец, показательна ситуация русского и креольского населения о. Кадьяк, которое изначально будучи слабо консолидированным, оказалось ассимилированным (с. 149). Безусловно, данные выводы автора заслуживают научного признания.

Не вызывает возражение формулировка Наследовым В. Г. цели и задачи исследования, а также определение объекта и предмета – они полностью раскрываются в содержании диссертационной работы. Касаясь методологии, использованной автором в своем исследовании, следует отметить, что, к сожалению, автор не выделил значимость концепции

хозяйственно-культурных типов (ХКТ) М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова, и тогда была бы изначально понятна обусловленность культуры населения Русской Америки географической средой и уровнем социально-экономического развития. Полнее следовало бы остановиться и на концепции С.А. Арутюнова относительно диалектики традиции и новации в культурных взаимодействиях народов. Можно согласиться с определением автором новизны и практической значимости работы. Очень полно представлена источниковая база, которую составил корпус разного вида источников и, прежде всего, материалы архивов, а также англоязычные источники, что усилило аргументацию автором своих выводов и обогатило отечественную американистику.

В этом плане вызывает недоумение наличия в диссертации раздела 1.1. «Взаимодействие государства с автохтонным население Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки в XVII-XVIII в.». Во-первых, во Введении не поставлена задача рассмотрения этого периода, не определено это и территориальными рамками и хронологией исследования. Ссылка на «обращения» к более раннему периоду освоения Сибири, для понимания деятельности РАК, не оправдала себя, т.к. не была подкреплена соответствующей историографией. В работе даже не упоминаются классики сибиреведения – Г.Ф. Миллер, П.Н. Буцинский, Б.О. Долгих, С.В. Бахрушина, В.И. Шункова, С.А. Токарева, Л.М. Дамешек и др. Именно поэтому в данном разделе имеются неточности, ошибки, не подкрепленные выводы. Например, основным обозначением аборигенного населения Сибири с конца XVI века, вопреки мнению Наследова В.Е., было не «иноземцы (с. 41), а «ясачные», т.к. их сословное положение определялось особым видом тягла – ясаком (пушниной). Даже после принятия «Устава об управлении инородцев», в котором официально было изменено их название, термин «ясачные» употреблялся параллельно с «инородцами» до Февральской революции 1917 года. Во-вторых, ясак и «подарки» («поминки») не тождественны (с. 39). Если первый – это вид подати (дани, налога), то второй – элемент архаичного дарообмена, т.к. он предполагал «отдарки» в виде кафтанов, котлов, утвари и т.д. Конфессиональная политика изменилась «не в первой трети XVIII в. (с.44), а во время правления Екатерины II, которая выступила «покровительницей» всех религий нерусского населения империи, прежде всего, из-за геополитических соображений. Сравнивая положение оседлых инородцев с государственными крестьянами, автор делает вывод, что их положение, кроме отсутствия рекрутства, было одинаковым (с.45, 80). Это не так, во-первых, оседлые инородцы продолжали выплачивать ясак в денежном эквиваленте, и он был значительно ниже податей государственных крестьян, во-вторых, они имели свои органы самоуправления – Инородные управы и жили на основе обычного права (если речь не шла об уголовных преступлениях), в третьих, они обладали своими землями, и хотя их размер официально должен был составлять 15 дес., они пользовались гораздо более обширными угодьями. И наконец, в

современной литературе уровень социально-экономического развития аборигенов Сибири не соотносится с первобытностью. Кроме государственных образований (Сибирское ханство, княжества енисейских киргизов), сибирские аборигены имели развитые потестарные структуры, устойчивые даннические отношения, четкие представления о «господстве-подчинении», пожалуй, кроме населения северо-востока. В то же время тюркоязычные народы сохраняли «родовую организацию», и это еще раз заставляет внимательнее характеризовать аборигенное общество так, как не знавшие металла камчадалы и чукчи родовой организации к приходу русских уже не имели. Несмотря на серьезность данных замечаний, они не повлияли на благоприятное впечатление от работы Наследова В.Е., что объясняется специальностью, в рамках которой было проведено исследование. Акцент на них объясняется пожеланием автору глубже подходить к материалу (если автор к нему обращается), даже если он напрямую не связан с предметом исследования.

На мой взгляд, следовало бы подчеркнуть специфику взаимоотношений РАК, как аналога западных компаний (типа Ост-Индской) с местным населением, в отличие от методов освоения Сибири государством в предшествующий период. Дело в том, что именно РАК отразила принципы колонизаторской политики Российской империи, а Русская Америка была, действительно, ее единственной колонией в рамках европейской концепции «метрополия-колония». Освоение Сибири в XVII в. проходило в рамках иной концепции государственности и нескольких других методов взаимоотношений с аборигенным населением, которые базировались на вотчинном характере Московского царства и восприятием аборигенного населения Сибири, как своих «изначально подданных». Европеизация России в начале XVIII в., принятие образованными ее слоями идеи эволюционизма привело к изменению прагматичного подхода в аборигенной политике, к стремлению насаждения «европейских» не только ценностей (том числе, и православия), но и методов управления ими, к осознанию своей роли как «бремени белого человека» (отсюда и яркое стихотворение Р. Кипплинга). Не случайно именно в 1730-40- годы начинаются затяжные войны с чукчами и коряками, каких прежняя сибирская история не знала. Мне кажется, что именно в этом контексте следовало рассмотреть и первоначальную деятельность РАК, которая, по мнению Наследова В.Г. (и это верно), была излишне жестокой по отношению, прежде всего к алеутам.

Представляется, что логичнее было бы в разделе 1.1. рассмотреть традиционную культуру аборигенного населения северо-восточной части Тихоокеанского региона до русского влияния, что позволило бы четче выделить новации, связанные с русско-аборигенными контактами. Несмотря на то, что отдельные сведения относительно традиционной культуры встречаются в качестве отдельных сюжетов в тексте всей диссертации, они дают слабое представление о социально-экономических, культурных, религиозных характеристиках аборигенов Русской Америки. Наличие

«каюров» в алеутском обществе свидетельствует о достаточно далеко зашедшем процессе социальной дифференциации, т.е. о наличие «патриархального рабства» еще до начала их контактов с русскими. Соппротивление тлинкитов русским и американцам невозможно понять вне контекста понимания «военного» состояния их общества (как и чукотского), вне учета значимости личной воинской отваги, вне мощного культа предков, тесно увязанного с тотемизмом (знаменитые, «тотемные столбы»). Традицию воспитания детей от смешанных браков русскими отцами, автор объясняет «разложением материнского рода и переход к отцовскому у алеутов» (С.117), но не приводит ни одного примера, когда бы матери или дети сопротивлялись такой практики. Из чего следует вывод, что к моменту прихода русских у алеутов существовала патрилинейность, а значит и «отъем» детей воспринимался как норма.

Особый интерес представляют материалы и выводы автора относительно деятельности РАК в XIX в., когда пушной промысел (а это была основная цель деятельности России за Уралом) становится убыточным и компания пытается диверсифицировать свою деятельность (с.60-64), что сопровождается, согласно верному замечанию автора, изменением отношения к аборигенному населению. В связи с этим научную значимость приобретают выводы Наследова В. Е. о социокультурных трансформациях выделенных им основных групп населения Русской Америки, изменения их образа жизни и культурных элементов под влиянием русской культуры. Стоит согласиться с положением диссертации о том, что создание И. Вениаминовым алеутской грамматики, письменности, алеутско-русского словаря, краткой грамматики и русско-тлинкиского словаря (с. 110), открытие Ново-Архангельского училища (с. 121), появление школ при церквях, отправка креолов в столицы для продолжения образования (с.120, 122), наличие библиотеки (с. 135) способствовали не столько укреплению православия и прямой русификации, сколько в будущем повлияли на устойчивость традиционной культуры. Автор подметил очень важное свойство культурной новации – ее «пролонгированный характер», при котором она проявляет свое позитивное значение спустя определенное время, становясь традицией. Так, гордость алеутов, что они «грамотные» (с.134), безусловно, несмотря на противоречивые русско-алеутские отношения, способствовала сохранению алеутской идентичности.

Что же касается восприятия православия аборигенами, то интересным представляется вывод автора о том, что если миссионеры с трудом «смиряться» с язычеством своей паствы, то аборигены не видели противоречия между православием и своими куклами (с.115). Помимо тех аргументов, которыми автор подтверждает этот вывод, следует отметить, что анимистическому, шаманистскому мировосприятию аборигенов не противоречило восприятие новых святых и идеи бога, т.к. чем больше духов и божеств, тем сильнее шаман. Поэтому неслучайно они, как пишет автор, и

миссионеров называли «белыми шаманами» (с.114) - по их мнению, они тоже обладали «духами-помощниками».

Чтобы понять особенности политики России по отношению к «своему» нерусскому населению, достаточно провести тот сравнительный анализ источников, который ярко продемонстрировал Наследов В.Е., обратившись к трудам Иоанна Вениаминова и Теодора Бенка. Эти источники разделяет столет. И если память о русификации в некоторых случаях облеклась аборигенами северо-восточной части Тихоокеанского региона в элементы уже своей этнической культуры, то американизация привела к «трансформации чувства гордости и уверенности, в ощущение злости и неполноценности» (с.158), т.е. к серьезной деформации внутреннего мира, отражением чего стали слова «мы не дикари» (с. 157).

В Заключении диссертации подведены итоги исследования, основные выводы которого не вызывают возражений и являются серьезным вкладом Наследова В.Е. в развитие теории и истории культуры, а также в дальнейшем изучении этнокультурных феноменов. Диссертация прошла соответствующую апробацию – ее основные положения изложены в 11 публикациях, в том числе, в 4 журналах, рекомендованных перечнем ВАК, в многочисленных конференциях разного уровня. Текст автореферата аутентично отражает содержание диссертационного сочинения (хотя его техническое выполнение вызывает недоумение). Данное исследование вносит существенный вклад в развитие теории и истории культуры и достойно заполняет лакуну отечественной истории о судьбе Русской Америки

Диссертация В.Г. Наследова соответствует требованиям пункта 9 – 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК РФ, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, Вадим Георгиевич Наследов, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки).

Официальный оппонент
профессор кафедры Отечественной истории
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
(634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
тел. 8(3822)56-15-68, E-mail – sherstova58@mail.ru,
Сайт - www.tsu.ru)

исторических наук

у

Шерстова Людмила Ивановна

12.01.2014